

Памяти Саймона Кристенсона

Первое апреля — День дураков

Мотоцикл мчался по бульвару Вентура на четыре корпуса впереди Эллиса и Лонга. Они ехали в восточном направлении, приближаясь к повороту, где дорога уходила на юг, в сторону Голливуда.

Эллис предпочитал водить машину сам, хотя был по положению старшим и мог бы приказать напарнику сесть за руль. Лонг с пассажирского места просматривал на экране телефона видеоматериалы — их с Эллисом «капиталовложения», как они выражались.

Автомобиль уверенно и надежно крутил колеса, безотказно выполняя команды водителя. Увидев просвет в транспортном потоке справа, Эллис выжал педаль акселератора. Машина рванулась вперед.

- Ты чего? — спросил Лонг, подняв голову.
- Хочу избавиться от одной проблемы.
- От какой?
- Которая может возникнуть.

Эллис догнал мотоциклиста и, поравнявшись с ним, взглянул на его черные ботинки и бензобак с нарисованными оранжевыми языками пламени — того же цвета, что и их «камаро». Он проскользнул немного дальше и, когда дорога повернула вправо, не сразу крутанул

руль. Машина по инерции сместилась на левую полосу, подрезав мотоциклиста.

Тот завопил и, оттолкнувшись ногой от «камаро», нажал на газ, стремясь проскочить мимо. Это было ошибкой. Надо было притормозить, пропуская автомобиль, а не гнать изо всех сил. Эллис тоже прибавил скорость, и «камаро» занял левую полосу, полностью перегордив дорогу.

Мотоцикл выскочил на встречу. Раздался визг тормозов, протяжный автомобильный гудок и пронзительный скрежет металла о металл.

Эллис улыбнулся, продолжая путь.

В пятницу утром, когда все уважающие себя граждане уже разъехались на уик-энд, добраться до центра города было плевым делом, и Гарри Босх оказался у здания суда раньше назначенного часа. Он не стал дожидаться Микки Холлера на ступенях у входа, как договорились, а решил поискать этого адвоката внутри громадного сооружения, занимавшего полквартала и вздымавшего к небу свои девятнадцать этажей. Гигантские размеры здания не означали, что найти Холлера будет трудно. Судебные помещения в основном располагались с девятого по пятнадцатый этаж. Пройдя через металлоискатель, недавно установленный в вестибюле, Босх поднялся на лифте на пятнадцатый и, спускаясь по лестнице, стал заглядывать в залы. Все они были хорошо знакомы ему, так как за последние тридцать лет он провел здесь немало времени.

Холлер нашелся в зале под номером сто двадцать на тринадцатом этаже. Там велось рассмотрение некоего ходатайства без участия присяжных. Адвокат обещал Босху, что это заседание должно закончиться до назначенной ими встречи за ланчем. Гарри проскользнул на скамейку в задних рядах галереи для публики и стал слушать показания полицейского, вызванного Холле-

ром в качестве свидетеля. Хотя Босх и пропустил начальный этап допроса, ему предстала возможность насладиться мастерством адвоката.

— Офицер Санчес, прошу подробно рассказать, как вы произвели арест мистера Хеннегана одиннадцатого декабря прошлого года. Начнем, пожалуй, с того, какое у вас было задание.

Санчес секунду помолчал, прежде чем ответить на этот, по всей видимости, формальный вопрос. Босх заметил три нашивки на его рукаве, по одной за каждые пять лет службы. Пятнадцатилетний стаж наводил на мысль, что полицейский будет изъясняться с Холлером очень взвешенно и постарается подбирать слова в интересах обвинения.

— Мы с напарником совершали регулярный патрульный объезд участка в районе Семьдесят седьмой улицы. В тот момент, когда произошел данный инцидент, мы ехали по Флоренс-авеню в западном направлении.

— Мистер Хеннеган тоже ехал по Флоренс-авеню?

— Совершенно верно.

— В каком направлении?

— В том же, что и мы, в западном. Его автомобиль был прямо перед нашим.

— Хорошо. И что случилось потом?

— На перекрестке с Норманди-авеню Хеннеган остановился на красный свет, мы встали за ним. Он включил правый сигнал поворота и свернул на Норманди, двигаясь к северу.

— Он не нарушил никаких правил, проезжая на красный?

— Нет. Сначала водитель остановился, а потом повернул, когда путь был свободен.

Кивнув, Холлер черкнул что-то в блокноте. Он сидел рядом со своим подзащитным, одетым в синюю форму, означавшую, что преступление было уголовным. Босх догадался, что речь идет о торговле наркотиками и Холлер пытается затушевать тот факт, что они были обнаружены в машине его клиента, доказывая противозаконность задержания.

Холлер задавал вопросы, не поднимаясь с места за столом защиты, — в отсутствие присяжных разрешалось допрашивать свидетелей сидя.

— И вы повернули вслед за мистером Хеннеганом, так?

— Да, так, — ответил Санчес.

— В какой момент вы решили остановить автомобиль мистера Хеннегана?

— Сразу после поворота. Мы посигналили ему фарами, и он вырулил к тротуару.

— Что произошло дальше?

— Как только машина затормозила, сидевший рядом с водителем пассажир открыл дверь и пустился наутек.

— Он начал убегать?

— Да, сэр.

— А куда именно?

— Он побежал направо по переулку за расположенной там торговой площадью.

— Вы или ваш напарник кинулись в погоню за ним?

— Нет, сэр, это противоречит инструкции. Разделяться рискованно. Мой напарник запросил по радиации поддержку и вызвал летательный аппарат, дав описание сбежавшего.

— Летательный аппарат?

— Полицейский вертолет.

— Понятно. А что делали вы, офицер Санчес, в то время как ваш напарник говорил по рации?

— Выйдя из патрульной машины, я подошел к водительской двери автомобиля мистера Хеннегана и велел ему высунуть руки в окно, чтобы я мог их видеть.

— При этом вы достали оружие?

— Да, достал.

— И что потом?

— Я приказал водителю — то есть мистеру Хеннегану — выйти из машины и лечь на землю. Он подчинился, и я надел на него наручники.

— Вы объяснили ему, за что он арестован?

— Но в тот момент он еще не был арестован.

— Вы уложили его носом в землю, надели на него наручники и говорите, что он не был арестован?

— Мы не знали, чего можно ожидать от него, и надели наручники ради собственной безопасности. К тому же пассажир сбежал, и это вызвало подозрения.

— Значит, ваши действия объяснялись тем, что пассажир дал деру?

— Да, сэр.

Холлер полистал желтый блокнот, читая какие-то записи, и проверил что-то на экране ноутбука, стоявшего перед ним на столе. Его клиент сидел с опущенной головой, и со стороны могло показаться, что он спит.

Судья, утонувший в кресле так глубоко, что Босху была видна лишь его седая макушка, прокашлялся и подался вперед, явив себя присутствующим. Табличка гласила, что это почтенный Стив Йеррид. Босх никогда прежде не встречал его, и имя этого служителя закона ни о чем ему не говорило. Но стоило ли удивляться, если в здании насчитывалось более пятидесяти залов с разными судьями?

— У вас больше нет вопросов, мистер Холлер? — спросил он.

— Прошу прощения за задержку, ваша честь, — ответил Холлер. — Мне надо было проверить кое-какие данные.

— Так давайте продолжим.

— Да, ваша честь.

Холлер уже нашел в записях то, что искал, и задал следующий вопрос:

— Офицер Санчес, сколько времени вы продержали мистера Хеннегана лежащим в наручниках на земле?

— Я только заглянул в его автомобиль, чтобы убедиться, что там больше никто не прячется, похлопал мистера Хеннегана по карманам, проверяя, нет ли у него оружия, помог ему подняться и посадил на заднее сиденье патрульной машины ради его же и нашей безопасности.

— Разве ему что-то угрожало?

— Как я уже сказал, мы не знали, чего ожидать. Один из них убегает, другой нервничает. Лучше было исключить возможные сюрпризы, пока мы не выяснили, в чем дело.

— А когда вы обратили внимание на то, что мистер Хеннеган «нервничает», как вы выразились?

— Да сразу — когда я велел ему высунуть руки из окна.

— При этом вы держали его под дулом пистолета?

— Ну да.

— Угу, хорошо. Итак, вы усадили Хеннегана на заднее сиденье патрульного автомобиля. Вы спросили у него разрешения обыскать машину?

— Спросил, и он не согласился.

— И что вы сделали?

— Я связался по рации с отделом по борьбе с наркотиками и сказал, чтобы прислали собаку.

— А что может собака?

— Она лает, учуяв запах наркотика.

— Сколько же времени понадобилось, чтобы доставить собаку на угол Флоренс-авеню и Норманди?

— Около часа. Пришлось везти ее из спецшколы, где проходила демонстрация выучки служебных собак.

— То есть около часа мой клиент сидел пленником на заднем сиденье вашего автомобиля.

— Да, верно.

— Ради его и вашей безопасности.

— Да.

— Вы подходили время от времени к патрульному автомобилю, открывали дверь и повторно спрашивали у мистера Хеннегана разрешения на обыск его машины?

— Да, два или три раза.

— И что он отвечал?

— Он говорил, что не разрешает.

— А как насчет сбежавшего пассажира? Вы или другие полицейские так его и не нашли?

— Нет, насколько мне известно. На следующий день дело было передано в наркоотдел Южного бюро.

— Итак, собака наконец прибыла. Что дальше?

— Кинолог обвел ее вокруг автомобиля Хеннегана, и возле багажника она залаяла.

— А как звали собаку?

— Хм, кажется, Космо.

— Какой марки была машина Хеннегана?

— «Тойота-камри».

— Значит, Космо прогавкал вам, что в багажнике находится наркотик?

— Да, сэр.

- И вы открыли багажник.
- Да, решили, что реакция собаки — достаточное основание для того, чтобы произвести обыск.
- Вы нашли там наркотики?
- Мы нашли пакет с кристаллической массой, похожей на метамфетамин, и пакет с деньгами.
- Сколько этой массы там было?
- Два и четыре десятых фунта.
- А денег сколько?
- Восемьдесят шесть тысяч долларов.
- В банкнотах?
- Да, вся сумма.
- И тогда вы арестовали мистера Хеннегана за хранение наркотиков с целью продажи?

— Да, мы объявили ему об аресте, перечислили его права и отвезли в Южное бюро, чтобы зарегистрировать.

Холлер кивнул и опять погрузился в свои записи. Босх понимал, что у того припасен какой-то козырь. Какой именно, прояснилось, когда судья вновь призвал адвоката продолжить допрос.

— Офицер Санчес, — сказал Холлер, — давайте вернемся к тому моменту, когда вы остановили автомобиль мистера Хеннегана. Как вы уже говорили, он притормозил на красный сигнал светофора и ждал, когда сможет безопасно поехать направо. Я корректно излагаю?

- Да, все верно.
- И при этом он не нарушил никаких правил, так?
- Да, так.
- Но если никакого нарушения не было, почему вы его остановили?

Санчес бросил взгляд в сторону прокурора, сидевшего за столом напротив Холлера. До сих пор он не вмешивался в ход допроса и лишь делал какие-то записи.

По этому взгляду Босх понял, что Холлер нащупал слабое место в показаниях полицейского.

— Ваша честь, могли бы вы распорядиться, чтобы свидетель ответил на вопрос, а не смотрел на обвинителя в ожидании подсказки? — обратился к судье Холлер.

Судья Йеррид опять вынырнул из своего убежища и велел Санчесу отвечать. Полицейский захотел, чтобы Холлер повторил вопрос, и адвокат задал его снова.

— Это был канун Рождества, — сказал Санчес, — а мы в это время всегда раздаем талоны на индейку.

— Талоны на индейку? — эхом откликнулся Холлер. — Это еще что такое?

Босх наслаждался сценой в духе фильма «„Линкольн“ для адвоката»¹. Холлер заставил полицейского подробно изложить все детали ареста, нащупал ахиллесову пятку оппонента и собирался, используя это, показать высший класс. Босх подумал, что прокурор не случайно сидел, будто воды в рот набрав: он понимал, что против фактов не попрешь. Все будет зависеть от того, как он сумеет аргументировать их трактовку в своей речи перед судьей.

— Так что это за талоны на индейку, офицер Санчес? — повторил вопрос Холлер.

— Ну, в южной части Эл-Эй² есть сеть рынков под названием «Малыш Джон», и каждый год перед Днем благодарения и Рождеством они выделяют нам бесплатные купоны, а мы раздаем их людям.

— То есть в подарок, вы хотите сказать?

— Ну да, в подарок.

— А по какому принципу вы отбираете людей, которым отдаете эти талоны на индейку?

¹ «„Линкольн“ для адвоката» — фильм Брэда Фурмана по одноименному роману Майкла Коннелли, снятый в 2011 году, с Мэттью Макконахи в роли Микки Холлера. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Эл-Эй — сокращенное название Лос-Анджелеса.

— Мы ищем тех, кто совершает разные добрые дела, ведет себя как надо.

— В том числе соблюдает правила дорожного движения?

— Ну да.

— Значит, в данном случае вы остановили мистера Хеннегана потому, что он корректно повернул направо при красном свете?

— Да.

— Иными словами, вы задержали мистера Хеннегана за то, что он не нарушил закон?

Санчес опять посмотрел на прокурора, надеясь на подсказку, но не получил ее и попытался выпутаться самостоятельно:

— Когда его пассажир убежал, а в багажнике мы нашли деньги и наркотики, стало ясно, что он нарушает закон.

Оправдание выглядело жалко, Холлер же решительно гнул свою линию.

— Офицер Санчес, — сказал он, — прошу вас ответить как можно точнее: в тот момент, когда вы включили фары и сирену, давая мистеру Хеннегану сигнал остановиться, вы не могли упрекнуть его в нарушении каких-либо правил и законов? Это так?

— Ну да, — пробормотал Санчес.

— Скажите, пожалуйста, отчетливо, чтобы ваш ответ можно было записать.

— Да, это так, — бросил Санчес громко и раздраженно.

— Больше у меня нет вопросов, ваша честь, — объявил Холлер судье.

Йеррид поинтересовался у прокурора Райта, не хочет ли он допросить свидетеля. Райт не хотел. Факты были фактами, и никакие уточнения не могли их изменить.

Судья отпустил Санчеса и обратился к адвокату:

— Мистер Холлер, слово за вами. Вы готовы к выступлению?

Адвокат заверил, что настроен устно изложить свои доводы. Райт возразил, что лучше сделать это письменным. Судья прервал их спор, сказав, что желает выслушать аргументы защиты, а письменный их контекст, возможно, понадобится позже.

Холлер поднялся и прошел к кафедре, водворенной между столами обвинителей и защитников.

— Я буду краток, ваша честь, — начал он. — Факты говорят сами за себя предельно ясно: для задержания автомобиля моего клиента не было даже незначительного повода. Когда офицер Санчес с напарником дали мистеру Хеннегану сигнал остановиться, он не нарушал никаких правил и не совершал никаких подозрительных действий.

Холлер захватил с собой сборник правовых норм. Глядя на страницу, освещенную лампочкой, он продолжил:

— Ваша честь, Четвертая поправка к Конституции гласит, что обыск и арест могут производиться только при наличии ордера, выписанного на достаточном основании. Однако, как указано в сборнике Терри, существуют исключения из этого правила. Согласно одному из них, автомобиль можно остановить, если есть основания полагать, что было совершено нарушение, или подозревать, что находящиеся в автомобиле люди занимаются преступной деятельностью. В данном же случае ни одно из этих условий не имело места. Четвертая поправка позволяет правоохранительным структурам прибегать к силе в строго ограниченных случаях. Раздача талонов на индейку не относится к ним. Как показал сотрудник полиции, арестовавший мистера Хеннегана, тот вел автомобиль в полном соответствии со всеми правилами

дорожного движения. Не имеет значения, что было обнаружено в багажнике впоследствии. Представители власти нарушили права моего клиента и произвели незаконный обыск и арест.

Холлер сделал паузу, очевидно раздумывая, не надо ли добавить к сказанному что-нибудь еще.

— Ну и последнее, — снова заговорил он. — Тот час, который мистер Хеннеган провел взаперти на заднем сиденье патрульной машины, был арестом без ордера и без достаточных оснований — то есть опять же нарушением прав гражданина. И все это явилось результатом незаконной остановки, ваша честь. Одно противоправное действие повлекло за собой другие. Благодарю вас.

Холлер вернулся на свое место. Его клиент не подавал никаких признаков того, что он слушает и понимает происходящее.

— Мистер Райт? — пригласил обвинителя судья.

Прокурор встал и неохотно приблизился к кафедре. Босх не имел юридического образования, но приобрел солидный багаж правовых знаний на практике, и ему было ясно, что у обвинения мало шансов.

— Ваша честь, — начал Райт, — полиции ежедневно приходится контактировать с населением, и иногда это заканчивается арестом. Сборник Терри отмечает одно из положений Верховного суда, где говорится, что «не всякое общение полицейских с гражданами приводит к аресту». В данном случае налицо пример такого общения, целью которого было наградить человека за примерное поведение. Но поступок пассажира, покинувшего автомобиль обвиняемого, изменил ситуацию и вызвал последовавшие за этим действия патрульных.

Райт сверился с записями в своем желтом блокноте и продолжил:

— Обвиняемый является наркодельцом. Первоначально намерения полицейских носили благотворительный характер, но это не может служить препятствием к принятию мер по борьбе с наркотиками. Суд обладает большой свободой выбора в этом отношении, и офицера Санчеса с его напарником нельзя обвинять в том, что они исполняли служебный долг.

Прокурор сел на место, и Босх понял, что в своем выступлении тот фактически сдался на милость суда.

Холлер поднялся, чтобы ответить обвинителю:

— Ваша честь, я хотел бы сделать замечание. Мистер Райт не прав. Он процитировал нам положение из сборника Терри, но упустил из виду другое положение, которое гласит, что полицейский, задержавший гражданина силой или угрозой ее применения, произвел тем самым арест. Обвинитель пытается применить скользящую шкалу оценки и уверить нас, что арест был произведен в тот момент, когда пассажир мистера Хеннегана покинул автомобиль и возникло основание для задержания. Он заявляет, что до этого момента ареста не было. Но это ложная логика, ваша честь. Полицейский Санчес включением фар и сиреной дал мистеру Хеннегану сигнал остановиться у тротуара. Для подобного задержания должны быть достаточные основания. Граждане нашей страны имеют право путешествовать и перемещаться беспрепятственно. Принудительная остановка водителя с целью поболтать с ним — это такое же посягательство на свободу человека, как и арест. Вручение талонов на индейку не может служить основанием для этого, и потому доводы обвинения несостоятельны. У меня все, ваша честь. Спасибо.

Довольный своей речью, Холлер вернулся на место. Райт не стал выступать с ответным словом. Все, что мог, он уже сказал раньше.

Судья Йеррид вновь потянулся над столом вперед и прокашлялся в микрофон, наполнив аудиторию грохотом, напоминающим взрыв. При этом шуме Хеннеган резко выпрямился, озираясь, и стало ясно, что он таки спал все то время, пока решалась его судьба.

— Прошу прощения, — извинился Йеррид, когда последние раскатистые звуки стихли. — Выслушав свидетельские показания и доводы сторон, суд принимает решение отклонить ходатайство обвинения. Вещественные доказательства, обнаруженные в багажнике...

— Но, ваша честь! — вскричал Райт, вскакивая на ноги. — Тут требуется разъяснение. — Он широко развел руками, словно был изумлен вердиктом, хотя вряд ли мог ожидать чего-либо иного. — Ваша честь, обвинение строится на этих вещественных доказательствах. Вы хотите сказать, что наркотики и деньги ничего в данном случае не значат?

— Да, мистер Райт, именно это я и хочу сказать. Не было оснований останавливать машину. Один ложный шаг испортил все дело, как и говорил защитник.

— Но, ваша честь, это же торговец наркотиками! — не унимался Райт, тыча пальцем в сторону Хеннегана. — Он распространяет заразу в нашем обществе, а вы выпускаете его на все четыре...

— Мистер Райт! — гаркнул судья в микрофон. — Не сваливайте на суд вину за собственную неудачу.

— Обвинение в ближайшие двадцать четыре часа подаст уведомление об апелляции.

— Это ваше право. Будет очень интересно посмотреть, как вам удастся сделать вид, что Четвертой поправки не существует.

Прокурор удрученно поник, а Холлер не упустил возможности подсыпать соли ему на рану.

— Ваша честь, — сказал он, поднявшись, — я хочу возбудить ходатайство о снятии обвинения с моего подзащитного. Нет никаких оснований для продолжения дела.

Йеррид кивнул. Он предвидел это и решил на этот раз сделать шаг навстречу обвинителю.

— Перед окончательным вынесением решения, мистер Холлер, я собираюсь принять это дело к рассмотрению. Возможно, обвинение действительно подаст апелляционную жалобу. Вы хотите еще что-нибудь добавить, господа?

— Нет, ваша честь, — ответил прокурор.

— Да, ваша честь, — сказал Холлер. — Мой подзащитный в данный момент находится под стражей; ему отказано в праве выйти под залог в полмиллиона долларов. Я прошу отпустить его на свободу до подачи апелляции.

— Обвинение протестует, — заявил Райт. — Сообщник Хеннегана сбежал. Нет гарантий, что и он не сбежит тоже. Как я уже говорил, мы собираемся обжаловать судебное решение и вновь дать этому делу ход.

— Понятно, — отозвался Йеррид. — При рассмотрении дела мы затронем и вопрос о поручительстве. Будем ждать, какие шаги предпримет обвинение. Мистер Холлер, вы можете рассчитывать на повторное слушание вашего ходатайства в том случае, если подчиненные окружного прокурора будут затягивать дело.

Судья предупредил Райта, что при этом он будет вынужден вмешаться и принять меры.

— Если у вас все, то на сегодня будем считать заседание закрытым, — сказал он.

Убедившись, что замечаний ни с той ни с другой стороны не последует, Йеррид встал и вышел через служебный ход.

Холлер хлопнул Хеннегана по плечу и, наклонившись к нему, стал объяснять, какую грандиозную победу он только что одержал. Впрочем, это, как понимал Босх, вовсе не означало, что Хеннегана тут же отпустят восвояси. Ничего подобного не произойдет. Вместо этого начнутся переговоры. Дело обвинителей было, безусловно, проиграно, однако они могли, пока Хеннеган находился под стражей, договориться о частичном удовлетворении своих требований. Если бы Хеннеган признал вину, Райт мог бы предъявить ему более легкое обвинение и сократить срок тюремного заключения с нескольких лет до нескольких месяцев. Главная цель прокурорского надзора была бы при этом достигнута, преступление осуждено.

Эта кухня была знакома Босху. Закон был податлив, и юристы всегда могли сторговаться.

Знал это и судья. Он находился в тупиковой ситуации. С одной стороны, всем было ясно, что Хеннеган — наркоделец. Но с другой стороны, арест был произведен неграмотно, и из-за этого улики против Хеннегана теряли свою ценность. Пока он был под стражей, имелась возможность выработать решение, которое не позволило бы ему остаться безнаказанным.

Райт быстро уложил бумаги в портфель и двинулся к выходу, бросив защитнику, что будет на связи.

Холлер кивнул в ответ и тут наконец заметил Босха. Кратко переговорив с клиентом, которого помощник судьи уже пригласил в камеру, адвокат подошел к Босху и спросил:

- Ты много пропустил?
 - Я видел главное — мистер Райт сел в лужу.
- Холлер расплылся в улыбке:
- Я много лет мечтал утереть нос этому типу.

— Видимо, нужно тебя поздравить.

— Ну, по правде, нечасто удается отразить обвинения прокуроров — я могу перечислить такие случаи на пальцах двух рук.

— Своему клиенту ты тоже это говоришь?

— Его тонкости судопроизводства не интересуют. Все, что он хочет знать, — когда его выпустят.